

ԲԱԺԻՆ ԵՐԿՐՈՐԴ

**Ա.Ա. Ադամյանի կյանքին և
գործունեությանը նվիրված
նյութեր**

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

**Материалы посвященные
жизни и деятельности
А.А.Адамяна**

І. ИЗ РАБОТ А.А.АДАМЯНА

КАК СТАВИТСЯ ВОПРОС О СООТНОШЕНИИ ДВУХ НАУК - ФИЗИОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ

Выступая «Против идеализма и схоластики в физиологической науке» («Лит.газ. 27 апр.1951 г.) Г.Александров стоит на защите материализма, конечно, не только в физиологической, но и психологической науке. Иначе и быть не может. Когда идеалист неверно освещает отношение физиологии к психологии, он искажает сущность одновременно двух наук. Соответственно, когда материалист, в свою очередь, верно освещает это отношение, он исходит из правильно понятой сущности обеих этих наук. Поэтому, возражая физиологу в вопросе о психических закономерностях, философ-материалист, обнаруживает свое правильное понимание как этих закономерностей, так и сущности психологической науки, которая их изучает.

Г.Александров утверждает, что критикуемый им физиолог «по решающему пункту физиологической науки стоит на позициях идеализма и стремится подорвать основы материалистической павловской физиологии». В этой общей его оценке мы готовы полностью присоединиться к Г.Александрову. Но нас в настоящем случае интересует не общая оценка ученого, с трудами которого мы непосредственно не знакомы, но смысл некоторых частных утверждений самого критика. Приведенную общую оценку Г.Александров подкрепляет цитатой, в которой говорится, между прочим, что «физиология коры мозга... не может заменить психологию...». По поводу этого упрека можно высказать только одно соображение: значит, с точки зрения материализма, дело происходит именно обратно, т.е. — физиология коры мозга может заменить психологию.

Идеализм того же физиолога Г.Александров усматривает и в том, что, по мнению первого, «физиология коры мозга... не может послужить основанием для понимания закономерностей» (там же). И здесь можно подумать, что, с точки зрения материализма, физиология коры мозга в действительности способна служить основанием для понимания

психических закономерностей, и что всякий, кто в этом вопросе отстаивает приоритет не науки физиологии, но науки психологии, кто, признавая все значение коры мозга, включает добытые физиологией результаты в более высокий круг закономерностей, чем тот круг, который ближайшим образом интересует науку физиологии, - неизбежно скатывается в идеализм.

Таков единственно возможный логический вывод из контекста, вывод, который должен нас смутить, если, разумеется, согласиться, что под пониманием какого-либо явления кроется объяснение происхождения этого явления, его содержания и его функции. Смущает вопрос следующий, на самом деле способна или нет физиология коры мозга сама по себе представить такое понимание психологических закономерностей? И напротив того, не означал ли бы, вопреки Г.Александрову, всякий однозначный положительный ответ на этот вопрос отступление от марксистского материализма и искажение самого павловского учения, материализма его физиологической науки.

Если Павлов изгнал «психологию в деле объяснения (понимания) физиологических процессов и уже этим встал на путь великих откровений в области физиологии, то где же сказано, что великий ученый тем самым упразднил науку психологии, подменив психологию физиологией, объясняя закономерности психологические закономерностями физиологическими и самую психику свел к веществу материальному, к коре мозга? Неужели в том заключается сущность материализма в понимании психических закономерностей, чтобы последние искать в материальном-физиологическом? И разве не в том, на самом деле, заключается сущность материализма в таком понимании, что последние выводятся из закономерностей развития общества. Закономерностей, которые сами относятся к категории материальных процессов?

Совсем недавно автор статьи в «Правде» от 24.IV с.г. «Философское значение трудов Мичурина» напомнил еще раз, что, согласно учению Мичурина, живые организмы на всех стадиях своего развития находятся в связи и взаимообусловленности с внешними материальными условиями.

Вот положение, которое, соответственно переосмысленное, должно занять ведущее и решающее значение во всех социальных науках, не исключая такие, как психология, этика, эстетика и др. Нетрудно понять, что упомянутое переосмысление мичуринского закона означает, что индивид на

всех стадиях своего исторического развития, во всех формах психической-сознательной жизни, находится в связи и взаимообусловленности с внешним социальным миром. Именно здесь, в единстве общественного человека и его среды, приходится искать понимание психических закономерностей; закономерное развитие содержания и форм этого единства — вот что способно объяснить с наибольшей полнотой психическое.

Достаточно, как кажется, только что сказанного, чтобы усомниться в том, насколько точно формулирует Г.Александров свой упрек физиологу-идеалисту.

Разумеется, что в споре с последним на стороне Г.Александрова остается то преимущество, что психическое невозможно и непредставимо вне материального, вне физиологических процессов в коре мозга: «мышление и сознание суть продукты человеческого мозга» (Энгельс). И здесь, в научном освещении процессов и закономерностей, которые здесь царят, безмерно велика заслуга Павлова и его школы. Но верно ли, что именно об этих закономерностях идет или должна идти речь, когда ставится вопрос о том, чтобы понять закономерности психической жизни человека? Верно ли, что психология без остатка объясняется физиологией, что, например, психология (не физиология) видения или слышания, т.е. процесс, в котором индивид находит собственно связи с человеческим миром, в котором он обнаруживает определенные свои отношения к этому миру (и к природе — через этот мир) — объясняется физиологией глаза или уха?... Здесь уместно вспомнить соображение Энгельса о том, что к нашему глазу присоединяются не только другие чувства, но и деятельность нашего мышления. Это означает, что видение в такой же мере есть процесс физиологический, как и психический. Эта мысль была высказана Марксом и Энгельсом и много раньше в «Подготовительных работах к святому семейству», «человеческий глаз видит иначе, чем грубый нечеловеческий глаз и т.д.» Нет сомнения, разумеется, что у человека и в коре мозга должны быть изменения по сравнению с мозгом нечеловеческой коры, но ведь это «видит иначе, слышит иначе» означает, одновременно, и видит иное, и слышит иное. И это-то иное означает, что — как сказано там же — «... проявление жизни (человека) есть проявление и выражение общественной жизни».

Словом, связи человека с общественной средой, чувственное и непосредственное отражение этих связей – вот из чего складываются сущность психологии. Изучение закономерностей, царящих здесь, в таком единстве (индивида и среды), и составляет предмет изучения науки психологии. Заодно: качественные особенности в самих закономерностях определяют образование наряду с наукой психологии, также науки этики и эстетики. Ведь нигде, как именно в указанном единстве возникают те явления, которые науки эти изучают, – каждая под своим углом зрения. Все эти явления – по генезису, содержанию и функции – суть общественные явления, но мы всегда будем помнить, что у общественных явлений «имеются свои специфические особенности, которые отличаются друг от друга и которые всего важнее для науки».

Мы не относим, разумеется, физиологию к наукам, изучающим общественные явления, но мы не упускаем из виду, что психическое, область которого изучает физиология, – под своим углом зрения, – относится к истории человеческого общества, к формам и закономерностям, присущим этой истории. Мы не упускаем, иначе говоря, того, что «человеческое чувство, человечность органов чувств (а что же может быть в человеке более человеческого, чем его психическое? – А.А.) возникают только благодаря бытию их предмета. Благодаря очеловеченной «природе» (Маркс). Очеловеченная природа есть в общественных связях данная природа. В понимании именно этого – как нам кажется – ключ к уразумению соотношения двух наук – физиологии и психологии.

В самом деле, основанием для понимания, например, того, что вид чужих слез порождает печаль, а смех – радость, служит не просто закономерное развитие коры мозга, но характер человеческих связей в определенных условиях жизни людей в обществе, связей, которые сами и обусловили соответствующее закономерное развитие коры мозга. Аналогичное нужно было бы сказать о примере такого рода, когда в одновременном звучании трех музыкальных тонов мы слышим целостный аккорд, а в последнем – напряжение, скажем, доминанты или тоники. Нет спора, что и для музыкального сознания необходима определенная деятельность определенно развитого мозга (материи), что составляют предмет изучения физиолога, однако, может ли возникнуть спор о том, что это сознание не тождественно самому материальному процессу,

совершающемуся в мозгу? Нет, здесь спор также невозможен, как и насчет того, что «назвать мысль материей – значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом» (Ленин).

Из этого возможен только тот вывод, что психическое, вопреки Г.Александрову, еще необъяснимо закономерным развитием физиологического, но объяснимо более сложным и более глубоким основанием: закономерным развитием единства человека и его внешней, общественной среды, единства, в котором находит объяснение само закономерное развитие физиологического.

А если все это так, то не слишком ли прямолинеен в своих формулировках Г.Александров?

Май 1951 г.

К ЛИБРЕТТО ОПЕРЫ «САЯТ-НОВА».

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ОБРАЗА САЯТ-НОВА

Саят-Нова – «певец любви», как он называет сам себя, есть певец народов Закавказья, которые к концу 18 столетия особенно остро ощущают тяжесть церковно-феодалного и национального гнета и накапливают материальные и духовные силы сопротивления такому гнету. Возможно, что в этом процессе ведущая роль принадлежала ремесленничеству. По преимуществу в его среде вызревают, приобретая острые формы, чувства и идеи личного человеческого достоинства, неприязни к господствующим классам и внешним национальным поработителям. Именно этими историческими прогрессивными национально-освободительными и просветительскими умонастроениями были охвачены передовые общественные силы народов Закавказья. Здесь народы находили почву для усиления в себе исторически накопленных традиций взаимной национальной дружбы. В эту пору складывается у этих народов и сильная, прогрессивная интеллигенция. В частности, у армян в эту эпоху пользуются широкой известностью фигуры общественно-политических деятелей и просветителей, таких как: Давид-бек, Иосиф Эмин, купец Шаамирян, учитель Баграмян и другие. В один ряд с этими именами надо поставить